

Гендерный анализ современных моделей поведения студенческой молодежи: прикладное исследование

Л.В. Сажина, В.В. Ковалев, М.В. Петрова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация: Исследования гендерной и брачно-семейной динамики в обществе представляют значительный интерес для зарубежного и отечественного научных сообществ. Результаты изучения тенденций изменений в указанных локусах с точки зрения представлений современной студенческой молодежью об «идеальных моделях поведения» современных мужчин и женщин являются весьма показательными, поскольку социальная группа молодежь всегда была и есть своеобразный индикатор состояния общества. Сегодня наличие разнообразных моделей поведения полов значительно детерминированы СМИ. Тем не менее, появление новых, вариативных «образцов поведения» в обществе совсем не означает отрицания традиционных моделей поведения мужчин и женщин. Несмотря на некоторую «западноцентричность» молодых россиян, национально-гендерный фактор различных порядков «срабатывает», тем самым консолидируя общество и сохраняя национальную идентичность индивидов.

Ключевые слова: гендер, семья, ценности, молодежь, студенческая молодежь.

Исследования, направленные на изучение того, какие модели поведения в гендерном сегменте формирует и рефлексивует современная молодежь являются актуальными, поскольку полученные результаты могут служить важными показателями динамики как гендерных отношений, так и российского общества в целом. В частности результаты исследования, каким образом студенческая молодежь представляет себе модели поведения «идеального, настоящего мужчины» и «идеальной, настоящей женщины» помогают эксплицировать именно те содержательные характеристики моделей поведения, которые востребованы и являются приоритетными для современных юношей и девушек, следовательно, вырисовывается четкая картинка их взаимных ожиданий по отношению друг к другу. Такое исследование дает возможность описать сущностные характеристики «эталонов» поведения, к которым, скорее всего, и стремятся респонденты. Благодаря выявленным поведенческим моделям/эталонам можно делать выводы, например, о том, преобладают ли семейные (в частности

родительские) ценности над теми, что «навязывают» сегодня современные СМИ. Более того, проанализировав каким образом представляют себе респонденты модель поведения «настоящего мужчины» и «настоящей женщины», можно проследить, насколько ожидания описанные мужчинами по отношению к «настоящим женщинам» совпадают с представлениями о «настоящих женщинах» у самих женщин, и наоборот, насколько качества, описанные женщинами в отношении «настоящего мужчины» совпадают с качествами, представленными в описаниях самих мужчин в отношении поведенческих моделей «настоящего мужчины». Представленное ниже социологическое исследование и некоторые его результаты являются актуальными и интересными, так как на их основании можно сделать выводы о том, например, сближаются, либо нет точки зрения юношей и девушек о самых главных качествах, которыми должны обладать индивиды противоположного пола, что, в свою очередь, будет детерминировать конкордантность/дискордантность их отношений во многих сферах, будь то семейная, профессиональная и другие.

С точки зрения устоявшихся социокультурных практик, в обществе сформировались разные представления о том, что представляют собой образы идеальных мужчины и женщины. Эти образы были культурно детерминированы и учитывали на разных этапах общественного развития тот круг задач и функций, которые предъявлялись, соответственно, мужчинам и женщинам. Данная модель не в последнюю очередь была построена на принципе разделения труда в социуме, в котором женщине и мужчине предназначалось разное место. Источниками создания идеальных гендерных портретов выступали многие факторы. В какой-то момент ведущую роль могла играть религия. Особенно это значимо для тех культур, где общественное сознание находилось в зависимости от религиозных представлений. Примером тому может служить религиозная догматика

христианства, создававшая императивы для утверждения патриархальных ценностей. Настаивая на различиях между "традиционно мужских" и "традиционно женским", проводилась четкая грань по трем основным параметрам: физиологическая дифференциация, психологическая и социальная.

Всё же, представляется, что в основе выстраивания желаемых идеалов женственности и мужественности приоритетно лежали экономические факторы. Материальная зависимость женщин от мужчин создавала у последних представление о том, что образ идеальной женщины должен быть основан на таких социальных переменных, которые обуславливали в качестве позитивных черты личности, искусственно создаваемых мужчинами. Иными словами, образ идеальной женщины – это социальный типаж, рядом с которым мужчина чувствовал бы себя наиболее комфортно и удобно. Поэтому общим принципом построения традиционной схемы "идеальных образов" мужчины и женщины был принцип комплементарности, посредством которого личностные черты женщины строились в качестве антипода мужских. Отсюда можно сделать промежуточный вывод: какие бы мы ни рисовали идеальные портреты мужчины и женщины, первый всегда будет противоположен второму.

Насколько справедливо данное суждение относительно современного российского социума?

Мы провели прикладное социологическое исследование на тему «Что для вас означают понятия «настоящий мужчина» и «настоящая женщина?» в 2014 году на факультете лингвистики и словесности (4 курс, очная форма обучения) в рамках ЮФУ. Было опрошено 108 респондентов (в силу специфики факультета - 94 девушки и 14 юношей, возраст респондентов от 18 до 21 года). Анализируя работы респондентов, мы выяснили, что для респондентов мужского пола ведущими качествами в женщине являются:

доброта (13%), надежность (13%), искренность (9%), верность (9%), женственность (9%) и способность быть хранительницей очага (9%). Для респондентов женского пола ведущими качествами в мужчине являются: мужественность (7%), целеустремленность (7%), ответственность (6%), надежность (5%), честность (5%), верность (5%), чувство юмора (5%) и уважение (5%).

В приведенных кейсах (реальных подкрепляющих примерах из жизни респондентов) в отношении женщин у респондентов мужского пола лидируют: мать (28%), бабушка (18%) и девушка (18%), что свидетельствует о традиционной модели поведения/эталоне женщины в представлении мужчины. В приведенных кейсах по поводу мужчин у респондентов женского пола лидируют: отец (26%), друзья/знакомые (16%) и персонажи из литературных произведений и кинофильмов (13%). Можно сказать, что наличие достаточно высокого процентного показателя, включающего персонажей из литературных произведений и кинофильмов в качестве кейсов/примеров у девушек, свидетельствует о факте сильного влияния СМИ на формирование эталона мужчины в представлении современной женщины.

Респонденты мужского пола соотносят с понятием «настоящий мужчина» в большей степени такие качества, как решительность (12%), сила воли (12%), верность (8%), трудолюбие (8%), возможность стать опорой для семьи (8%). В качестве подкрепляющих свои доводы кейсов юноши фиксируют отца (30%), дедушку (20%) и персонажей из фильмов/книг (10%). Так как доминирующим примером для них является отец, можно говорить о преобладании традиционной модели поведения/эталоне мужчины в представлении современных мужчин. Респонденты женского пола соотносят с понятием «настоящая женщина» в большей степени такие качества, как умение любить (9%), внешняя привлекательность (8%), «хранительница очага» (8%), ум (7%), заботливость (6%), мудрость (5%), верность (5%) и

стремление к созданию семьи, рождению детей (5%). В качестве кейсов выдвигают: мать (12%), персонажей из фильмов/книг (12%) и знаменитых личностей (5%). Процентное соотношение кейсов «мать» и «персонажи» сближаются, что свидетельствует о том, что в настоящее время наравне с традиционной моделью поведения/эталоном женщины соперничают образы, тиражируемые СМИ в современном обществе.

Респонденты обоих полов, которые придерживаются традиционных моделей поведения женщин и мужчин выделяют в своих отцах и матерях определенные качества, присущие им. Ведущими качествами у отцов являются: надежность (14%), заботливость (13%), ответственность (10%), умение быть опорой для семьи (10%), решительность (7%), сила духа (7%), чувство юмора (7%) и доброта (7%). Ведущими качествами у матерей являются: любовь к детям (17%), заботливость (13%), радушие (9%), умение быть хранительницей очага (9%), оптимизм (8%), понимание (8%) и умение быть примером для других (8%). Также респонденты обоих полов, которые придерживаются традиционных моделей поведения женщин и мужчин выделяют в своих дедушках и бабушках определенные качества, характерные для них. Ведущими качествами у дедушек являются: сила духа (18%), трудолюбие (13%), ответственность (9%), верность (9%), доброта (9%) и умение быть опорой для семьи (9%). Ведущими качествами у бабушек являются: сила духа (17%), трудолюбие (12%) и гостеприимность/радушие (11%).

Резюмируя, отметим, что представления юношей и девушек о моделях поведения «настоящих мужчин» и «настоящих женщин» сближаются по своему сущностному содержанию. Естественно, те различия в качествах и ожиданиях обоих полов, которые были обнаружены в ходе исследования, по большей части можно объяснить психологическими, индивидуальными, гендерными, прочими социальными характеристиками респондентов. Однако

вызывает интерес выявленная особенность в мужском представлении о модели поведения «настоящей женщины»: современные юноши отмечают, что представительницы женской гендерной группы должны непременно обладать таким качеством, как «надежность».

Поскольку в обществе продолжает происходить сближение полов в отношении практики традиционного «мужского образца поведения» обоими полами, то можно предположить усиление некой конкордантности гендерных отношений и прогнозированию большего взаимопонимания между полами, по крайней мере, в молодежной, студенческой группе.

Само исследование показывает, что в студенческой среде не принято радикально дистанцировать мужской и женский гендер. Разность социальных требований к гендеру, безусловно, просматривается, но в нашем пилотном исследовании она не является очевидной. Пожалуй, здесь можно выделить два основных следствия: 1) мы наблюдаем нивелирование гендерных различий на примере нового поколения, как результат предшествующего развития в этом направлении; 2) гендерная дифференциация в студенческой среде не выступает актуальным маркером структурирования социальных отношений. Если мы принимаем за данность второй тезис нашего суждения, то проверить его можно только посредством проведения лонгитюдных исследований на одной контрольной группе, либо посредством косвенного сравнения данной группы ответов с ответами респондентов новых поколений студентов и респондентов из тех возрастных групп, которые уже вступили в брак и находятся в новой, отличной от студенческой социальной реальности. Мы планируем провести подобного рода исследование в перспективе.

Литература

1. Mencken H.L. In defense of women. – N.Y.: Barnes and Noble, 2007. pp. 5-30.
2. Rotkirch A. The Man Question: Loves and Lives in Late Twentieth Century Russia. – Helsinki, 2000. pp. 15-25.
3. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. М., 2004. С. 10-15.
4. Сажина Л.В. Феномен «отцовства» как компонент мужской идентичности и «социальное изобретение» (по материалам работ М. Мид и И. Кона) // Культура. Наука. Интеграция. 2014. №1(25). С. 11-14.
5. Гафиатулина Н.Х. Социологический анализ концептуальных моделей социального здоровья индивида // Инженерный вестник Дона. 2013. №4. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/2011.
6. Радовель М.Р. Теория коммуникативно-диалоговых отношений. Ростов-на-Дону: Изд-во ИПО ПИ ЮФУ, 2010. 140 с.
7. Свечкарев В.П. Интеграция имитационных моделей при проведении исследований в гуманитарной сфере // «Инженерный вестник Дона». 2010. №3. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n3y2010/213.
8. Берн Ш. Гендерная психология. СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. 318 с.
9. Сажина Л.В. Динамика современных гендерных культур. Анализ российского и западного социумов. LAPLAMBERT Academic Publishing: GmbH and Co. KG, 2011. 326 с.
10. Smith H. The Russians. – N.Y.: Ballantine Books, 1989. pp. 3-45.
11. Верещагина А.В. Трансформация формальных ограничений семейных отношений в российском обществе // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2012. №3. С. 36-43.

12. Лубский А.В. Методологические проблемы использования ИКТ в образовательном пространстве высшей школы // Информатика и образование. 2007. №6. С. 10-14.

References

1. Mencken H.L. In defense of women. N.Y.: Barnes and Noble, 2007. P. 5-30.
2. Rotkirch A. The Man Question: Loves and Lives in Late Twentieth Century Russia. Helsinki, 2000. pp. 15-25.
3. Giddens A. Transformatsija intimnosti. Seksualnost, lyubov I erotism v sovremennykh obschestvakh [Transformation of intimacy. Sexuality, love and erotism in modern societies]. M, 2004. pp. 10-15.
4. Sazhina L.V. Fenomen “otsovstva” kak component myzhskoj identichnosti i sotsialnoje izobrenije (po materialam rabot M. Mead i I. Kona). (Rus). [“Fatherhood” phenomenon as a component of masculine identity and also “social invention” (based on the works of Mead M., Kon I.). 2014. № 1(25). pp.11-14.
5. Gafiatulina N.K. Inženernyj vestnik Dona (Rus). 2013. №4. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/2011.
6. Radovel M.R. Teorija kommunikativno-dialogovykh otnoshenii [Theory of communicative-dialogue relations]. Rostov-na-Donu: IPO PI UFU, 2010. 140 p.
7. Svechkarev V.P. Inženernyj vestnik Dona (Rus). 2010. №2. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n3y2010/213.
8. Bern Sh. Gendernaja psikhologija [Gender psychology]. SPb: Praim-EVROZNAK, 2001. 318 p.
9. Sazhina L.V. Dinamika sovremennykh gendernykh kultur. Analiz rossijskogo i zapadnogo sotsiumov [Dynamics of modern gender cultures.

Analysis of Russian and Western societies]. LAPLAMBERT Academic Publishing: GmbH and Co. KG, 2011. 326 p.

10. Smith H. The Russians. N.Y.: Ballantine Books, 1989. pp. 3-45.

11. Vereschagina A.V. Transformacia formalnyh semeynyh otnosheniy v rossiyskom obschestve .Vestnik instituta istorii, arheologii i etnografii. 2012. №3. pp. 36-43.

12. Lubskiy A.V. Metodologicheskie problemy ispolzovaniy IKT v obrazovatelnom prostranstve vysshey shkoly. Informatika i obrazovanie. 2007. №6. pp. 10-14.